

ДИСКУРСИВНАЯ ПАРАДИГМА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

С. Г. Клименко,

старший преподаватель кафедры иностранных языков
Белорусского государственного педагогического университета
имени Максима Танка

В новейшей лингвистике в контексте исследования языков произошли серьезные изменения, которые позволяют говорить о том, что парадигмы, действующие на протяжении длительного времени, сменились новыми научными парадигмами.

Среди ученых нет единого мнения по поводу количества научных парадигм в языкознании. Так, по мнению В. А. Масловой, в языкознании существуют три основополагающие парадигмы: *сравнительно-историческая, системно-структурная и антропоцентрическая* [14].

Ю. Н. Караулов (1987) говорит об *исторической, психологической, системно-структурной и социальной* (коммуникативной) лингвистических парадигмах. В содержание социальной парадигмы он включает социолингвистическое, антропоцентрическое, когнитивное, психолингвистическое и лингвокультурологическое направления [8].

Т. Н. Хомутова (2009) не видит в этом противоречия мнению тех лингвистов, которые традиционно определяют три парадигмы, выделенные В. А. Масловой, так как социальную и психологическую парадигмы можно объединить в антропоцентрическую парадигму [18, с. 145].

Е. С. Кубрякова (1999) определяет четыре основные парадигмы: *традиционную, генеративную, когнитивную и коммуникативную*. Она говорит, что «каждая из них представляет особую модель описания языка и решения главных проблем в его организации и функционировании» [10, с. 190].

Американский лингвист, специализирующийся в сфере дискурс-анализа, Дебора Шифрин говорит только о двух лингвистических парадигмах: *формальной* (структуралистской) и *функциональной* (интерактивной). По мнению Т. Н. Хомутовой (2009), формальная парадигма в классификации Д. Шифрин соотносится с системно-структурной парадигмой, а функциональная парадигма является равной антропоцентрической парадигме в контексте терминологии других исследователей [18, с. 145].

Е. С. Кубрякова (1995) определяет базовые принципы, характерные для всех основополагающих направлений языкознания, которые создают

единый аппарат теоретических и методологических установок, применяемых при исследовании языков:

1. *Экспансионизм* (привлечение информации из других наук с целью расширения сферы лингвистических исследований).
2. *Антропоцентризм* (выдвижение на первый план языковой личности при осуществлении лингвистических исследований).
3. *Функционализм* (изучение процесса функционирования языка в качестве средства общения).
4. *Экспланаторность* (объяснение внутренней организации языка) [9, с. 207–221].

Появление любой новой парадигмы должно соответствовать изменившимся научным потребностям общества и быть в состоянии объяснить эту новую языковую действительность.

Так, например, сравнительно-историческая парадигма, будучи актуальной в течение всего XIX века, была сменена структуральной, а затем генеративной парадигмой знания. Затем во второй половине XX века генеративизм сменился новой научной парадигмой, название которой звучит по-разному у разных авторов: функциональная (Д. Шифрин), *когнитивная* (Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия, Р. М. Фрумкина), *коммуникативно-когнитивная* (Е. С. Кубрякова, Н. С. Болотнова), *антропоцентрическая* (В. А. Маслова), *коммуникативно-деятельностная* (Е. В. Сидоров) и т. д. Перечисленные названия парадигм свидетельствуют о том, что существует многообразие подходов к исследованию языка.

Автором методологии коммуникативно-когнитивной парадигмы является Е. С. Кубрякова (2004), которая говорит, что в процессе анализа языкового явления необходимо учитывать равноправие двух функций: *когнитивную* (участие данного явления в процессе познания) и *коммуникативную* (участие данного явления в процессе речевого общения). Только в этом случае, по мнению Е. С. Кубряковой, «языковое явление может считаться адекватно описанным и объясненным» [11, с. 16].

В своей дальнейшей научной деятельности Е.С. Кубрякова (2004) расширила когнитивную парадигму, добавив в нее «новые параметры и новые измерения – прежде всего семиотические и дискурсивные» [12, с. 14]. Таким образом, новая парадигма начала XXI века получила название *когнитивно-дискурсивной* парадигмы.

Л. В. Воронина (2010) добавляет, что в процессе описания языкового явления особое внимание уделяется рассмотрению языка в качестве средства, которое способствует осуществлению концептуализации и категоризации мира человеческим умом и в качестве средства общения.

Таким образом, осмысление языкового явления становится возможным при сочетании когнитивного и дискурсивного анализа [4].

По мнению Т. Н. Хомутовой (2009), в контексте когнитивно-дискурсивной парадигмы исследования в сфере языкознания должны сосредоточиться на определении «оптимальной интегральной модели лингвистики в целом и интегральной модели текста в частности» [18, с. 149].

Нидерландский лингвист Т. ван Дейк считает, что дискурсология должна быть отделена от других дисциплин, оформившись в самостоятельное лингвистическое направление со своими методами исследования [20].

В фокусе внимания дискурсологии находятся вопросы, рассматривающие систему, структурные единицы и функциональное назначение дискурса. Ввиду того, что дискурсология является новейшим направлением в теории языкознания, она привлекает информацию из таких наук, как философия, социология, психология, этнография, стилистика, литературоведение и др., таким образом, позиционируя себя как междисциплинарную область знания.

Одним из важнейших аспектов дискурсологии является антропологический подход, воплощающий в себе идею о том, что в дискурсе находит свое отражение «физическое пространство человека, поэтому важная роль в этом принадлежит языковой личности, а сам дискурс антропоцентричен» [16, с. 26].

В языкознании наряду с другими определяющими принципами современной лингвистической парадигмы фигурирует *текстоцентризм*. Принцип текстоцентризма выражается в том, что текст составляет основу коммуникации, и в нем реализуется образ окружающей реальности, где при помощи средств языка осуществляется выражение мысли человека. Текст создается человеком, поэтому исследования текста помогают проявлять черты, присущие антропоцентрической лингвистике.

В. Е. Чернявская (2014) видит новизну дискурсивной парадигмы в том, что она фокусирует внимание на изучении дискурса как «совокупности многих отдельных текстов, уже существующих и потенциально возможных» [19, с. 54].

Таким образом, мы видим, что дискурсология выходит за пределы отдельных предложений и даже целого текста, фокусируя внимание на системном изучении языка. Она оперирует целым комплексом текстов, находящихся во взаимодействии.

Многие языковеды противопоставляют понятия «дискурс» и «текст». Таким образом, прежде чем рассматривать возможные способы определения термина «дискурс», надо установить его соотношение с лингвистическим термином «текст».

Лингвистами по-разному толкуется термин «дискурс», в связи с чем не существует универсального средства, способного дать дефиницию данному понятию. Например, П. Анри, М. Пешо, П. Серио, М. Фуко соотносят дискурс с устной речью. Такие лингвисты, как Х. Сакс, Ч. Филлмор, З. Харрис, употребляя понятие «дискурс», имеют в виду текст либо функциональный стиль.

По мнению Т. ван Дейка (1998), в широком смысле дискурс – это коммуникативное действие устного либо письменного характера с вербальными и невербальными элементами. В узком же смысле дискурс можно охарактеризовать как устный или письменный текст с наличием вербальной составляющей [5].

Т. ван Дейк не отождествляет понятия «дискурс» и «текст», подчеркивая то, что дискурс привязан к актуальному речевому акту, а текст соотносится с системой языка с учетом «формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности» [5].

Е. Ю. Баженова определяет дискурс как «процесс языковой деятельности, осуществляющейся в реальном времени в определенных коммуникативных условиях с заданной целью» [2, с. 3]. Что касается текста, то он рассматривается как объект анализа дискурса. Более того, основополагающим для дискурс-анализа является исследование определенного текста, в ходе которого осуществляется стилистическая интерпретация текста, определяется его коммуникативная функция.

В. Е. Чернявская (2014) рассматривает текст не как «законченную единицу», а как «открытую в межтекстовое пространство сущность» [19, с. 57].

По мнению Е. В. Лисицыной (2006), дискурс воплощает в себе языковое явление, которое имеет «речевые свойства конкретности, процессуальности, целенаправленности, актуальности, конкретной и ситуативной обусловленности» [13, с. 12]. Кроме того, дискурсу присущи такие признаки, характерные для текста, как связность, законченность, ограниченность, рассматриваемые наряду с экстралингвистическими факторами, выполняющими не менее важную функцию.

В. И. Карасик (2000) представляет дискурс как речевую практику, между участниками которой происходит «установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, ... переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения» [7, с.5].

По мнению Н. Д. Арутюновой (1989), дискурс – это связный текст в комплексе с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами. Автор говорит, что «дискурс – это речь, погруженная в жизнь». [1, с. 136–137].

В. Г. Борботько (1981) тоже изображает дискурс как текст, который состоит из «предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» [3, с. 8].

Е. В. Темнова (2004), проанализировав то, какую дефиницию содержания понятия «дискурс» дают российские и зарубежные лингвисты, делает заключение о том, что дискурс является «емким понятием», включающим в себя лингвистические и экстралингвистические характеристики, которые позволяют «рассматривать его [дискурс] в качестве продукта речевого действия с присущей ему смысловой однородностью, ... привязанностью к определенному контексту, жанровой и идеологической принадлежностью, а также соотнесенностью с целым слоем культуры, социальной общности и даже с конкретным историческим периодом» [16, с. 26]. Автор позиционирует дискурс как «вербализованную речемыслительную деятельность», которая представляет собой процесс, и как «фиксированный текст», являющий собой результат. Кроме того, дискурс может рассматриваться в этих двух аспектах синхронно [16, с. 31].

Е. С. Попова (2014) считает, что хотя понятия «дискурс» и «текст» являются различимыми, неправильно противопоставлять их друг другу, так как между ними прослеживается причинно-следственная связь. Дискурс – процесс коммуникации, речевого взаимодействия, а текст – результат дискурса [15]. Кроме того, огромную роль в создании дискурса играют экстралингвистические факторы, такие как, например, социальная среда, присущая каждой культуре. Именно социальная среда является основой, которая дает возможность сопоставлять дискурсы и тексты.

Т. ван Дейк (2013) предлагает такие способы исследования дискурса, как осуществление:

- грамматического, фонологического, лексического, синтаксического, семантического анализа;
- прагматического анализа актов речевого взаимодействия;
- стилистического анализа с установлением жанровой специфики анализируемых структур дискурса [6, с. 20].

Автор отмечает, что «дискурс подвергается анализу не только как автономный вербальный «объект», но и как контекстуальное взаимодействие, социальная практика или тип коммуникации в социальном, культурном, историческом или политическом контексте» [6, с. 21].

Т. ван Дейк считает, что изучение дискурса должно проводиться как неотъемлемая часть узкого, широкого, социального и культурного контекста. При осуществлении анализа дискурса необходимо «иметь дело с естественным текстом или речью» [6, с. 29]. Новейшие исследования

дискурса направлены на реализацию анализа речевого взаимодействия, как неформального, так и более официального, институционального характера, происходящего в определенный отрезок времени. Структура дискурса является иерархической в том смысле, что составляющие элементы одного уровня образуют другие более высокие уровни дискурса [6, с. 30].

По мнению Б. В. Фауля и Т. С. Демина (2015), подход Т. Ван Дейка к изучению дискурса делает возможным осуществить анализ того, как люди пользуются языком, общаются, образуют группы, сообщества, демонстрируя разнообразие культур [17].

Итак, анализ научной литературы показывает, что на сегодняшний день не существует единой концепции относительно определения понятия «дискурс», вследствие чего данная лингвистическая парадигма требует дальнейшего глубинного изучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1989. – С. 136–137.
2. Баженова, Е. Ю. Дискурсивные стратегии представления информации в новостных текстах британских СМИ : на материале качественных Интернет-газет : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. Ю. Баженова. – Благовещенск, 2015. – 181 л.
3. Борботько, В. Г. Элементы теории дискурса: учеб. пособие / В. Г. Борботько. – Грозный : Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого, 1981. – 113 с.
4. Воронина, Л. В. Когнитивно-дискурсивная парадигма и проблемы словообразования / Л. В. Воронина // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты : материалы Междунар. школы-семинара (VI Березинские чтения) / редкол. В. А. Пищальникова (отв. ред.) [и др.]. – М., 2010. – Вып. 17. – С. 38–42.
5. Дейк, Т. А. ван. К определению дискурса / Т. А. ван Дейк. – Лондон, 1998.
6. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть : Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
7. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс. – Волгоград : Перемена, 2000. – 228 с.
8. Караулов, В. Н. Русский язык и языковая личность / В. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 263 с.
9. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века: сб. ст. / Российский государственный гуманитарный университет ; под ред. Ю. С. Степанова. – М., 1995. – С. 144–238.
10. Кубрякова, Е. С. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике / Е. С. Кубрякова, Е. В. Александрова // Структура и семантика художественного текста : докл. VII Междунар. конф. / Моск. гос. гуманитарный ун-т им. М. А. Шолохова ; под ред. Е. И. Дибровой. – М., 1999. – С. 186–197.

11. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // *Вопр. когнитивной лингвистики*. – 2004. – № 1. – С. 6–17.
12. Кубрякова, Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
13. Лисицына, Е. В. Лингвистические особенности философского дискурса П. А. Флоренского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Лисицына ; Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2006. – 22 с.
14. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Издат. центр «Академия», 2001. – 208 с.
15. Попова, Е. С. Текст и дискурс: дифференциация понятий [Электронный ресурс] / Е. С. Попова // *Молодой ученый*. – 2014. – № 6. – Режим доступа: URL <https://moluch.ru/archive/65/10692/>. – Дата доступа: 19.10.2018.
16. Темнова, Е. В. Современные подходы к изучению дискурса / Е. В. Темнова // *Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / В. В. Красных (отв. ред.) [и др.]*. – М., 2004. – Вып. 26. – С. 24–32.
17. Фауль, Б. В. Теун Ван Дейк и современный дискурс-анализ [Электронный ресурс] / Б. В. Фауль, Т. С. Демин // *Филология и литературоведение*. – 2015. – № 9. – Режим доступа: URL: <http://philology.snauka.ru/2015/09/1686>. – Дата доступа: 23.09.2018.
18. Хомутова, Т. Н. Научные парадигмы в лингвистике / Т. Н. Хомутова. // *Вестн. Челябин. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение*. Вып. 37. – 2009. – № 35 (173). – С. 142–151.
19. Чернявская, В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы / В. Е. Чернявская // *Вопр. когнитивной лингвистики*. – 2014. – № 1(038). – С. 54– 61.
20. Van Dijk, T. A. *Discourse as structure and process* / T. A. Van Dijk. – Sage, 1997. – V 1. – 356 p.